

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (Уфа)

Тел.: 8 (917) 417-58-97; E-mail: rakhimovrn@mail.ru

В статье анализируется состояние современной историографии участия офицеров Генерального штаба в Гражданской войне, характер и особенности дискуссий по этой проблематике.

Ключевые слова: Гражданская война, Генеральный штаб, историография.

«ДВАЖДЫ ЗАЛОЖНИКИ»: ОФИЦЕРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История Гражданской войны в России – одна из острых тем на протяжении последних двадцати лет в российской историографии. Разумеется, на нее оказывали и оказывают влияние, как внутриполитические проблемы российского общества, так и развитие самой исторической науки. На сегодняшний день можно считать, что российские ученые познакомились с основными публикациями западных историков (в первую очередь американских русистов), произошло «возвращение» мемуарного наследия российской эмиграции, прошла волна апологии Белого движения, начали формироваться национальные и региональные историографии Гражданской войны, и, что самое важное, в тему пришла молодежь, началась планомерная работа в архивах. Об общественном интересе свидетельствует появление периодических изданий, проведение научных конференций, создание интернет-сайтов по истории Гражданской войны.

Понятно, что тематика Гражданской войны всего лишь одна из множества дискуссионных и малоисследованных проблем в истории России. Соответственно, количество историков (речь идет о профессиональных исследова-

телях), работающих по ней, не так уж и велико. Поэтому редко можно столкнуться с ситуацией, когда в одной теме работают два-три исследователя, напротив, чаще один. Но если случается, что одной проблемой занимаются несколько историков, то кажется, что при конструктивном подходе дело только выигрывает: есть о чем поспорить на конференциях, прокомментировать сделанную коллегой публикацию документов, обсудить методику работы с тем или иным видом источников и т.п. Что важно, появляются два взгляда на проблему, ставятся разные акценты.

К сожалению, такое положение дел обошло тему судеб русских офицеров Генерального штаба (далее – ГШ), оказавшихся в водовороте Гражданской войны. После октября 1917 г. часть офицеров по разным причинам оказалась на службе у большевиков. В процессе создания Красной армии и развернувшейся затем Гражданской войны офицеры-генштабисты оказались по разные стороны фронтов – часть занимала различные должности в РККА, часть служила в армиях белых правительств. Разумеется, офицеры бывшей российской императорской армии, оказавшиеся в Красной армии, а офицеры ГШ

здесь не исключение, в большей степени представляли собой заложников у большевистского правительства. Они рассматривались как контрреволюционный элемент, находились под контролем комиссаров и ВЧК, подвергались различного рода давлению и репрессиям.

Первым историком, обстоятельно занявшимся судьбами офицеров-генштабистов, был к.в.н. А.Г. Кавтарадзе, автор ставшего классическим труда¹. В постсоветский период появились работы израильского историка В.В. Каминского², защитившего диссертацию по этой теме. Серия монографий и научных статей по этой теме на протяжении последнего десятилетия опубликована российским военным историком А.В. Ганиным³ (в общей сложности свыше ста работ в ведущих научных изданиях России и зарубежья). В исследованиях Ганина проблема была впервые рассмотрена на качественно новом уровне – на основе всей совокупности сохранившихся в архивах России и других государств документов противоборствующих сторон (не только красных, как прежде, но и белых, а также представителей национальных государственных образований).

Заданность подхода Каминского к теме была обусловлена положением, взятым из работы профессора Калифорнийского университета Питера Кенеза: «Большевики создали значительно более успешную стратегию: их движение руководилось гражданскими революционерами, которые эксплуатировали мастерство «военных специалистов»⁴. С этой банальной мысли начиналась постановка проблемы и ею же заканчивалась публикация Каминского 2000 г.: «Итак, высказывание Р. Кенез о том, что в большевистском лагере «гражданские революционеры эксплуатировали мастерство «военных специалистов»», к «лицам Генштаба», служившим в РККА в 1918 г., применительно в особой мере <...> Мастерское использование большевиками «лиц Генштаба» в 1918 г. несомненно явилось важнейшим фактором как для создания боеспособной Красной армии, так и обеспечения победы над Колчаком к осени 1919 г.»⁵. Из всего этого вытекал тезис Каминского о том, что «отношение большевиков к ним («лицам Генштаба». – Р.Р.) было значительно более «мягким», чем к остальной массе военспецов в РККА»⁶. Каминский категорично отказывал офицерам ГШ в наличии политических настроений, считая, что при выборе ими большевистского лагеря социально-бытовая мотивация была определяющей. Таким образом, денежное жалование и комфорт для бывших офицеров были важнее идейных и корпоративных факторов. Поэтому офицеров-генштабистов было больше в РККА, нежели в рядах белых армий, что помогло в определенной мере большевикам победить в Гражданской войне.

Публикации эти вызвали замечания со стороны А.В. Ганина⁷. Военный историк выступил с критикой основополагающего тезиса Каминского о службе офицеров ГШ большевикам исключительно из-за денег и соответственно высказался против подгонки фактов под эту весьма шаткую концепцию. Ганин, опираясь на большой массив изученных им архивных источников, сделал прямо противоположный вывод о том, что большинство офицеров-генштабистов служило не в Красной, а в антибольшевистских армиях, причем подкрепил свои построения реконструкцией полного именного списка генштабистов – участников Гражданской войны в несколько тысяч офицеров и выявлением всех их перемещений за период 1917–1922 гг. Следовательно, фактор превосходства в «лицах Генштаба» объективно не мог входить в число причин победы большевиков. Причины поступления офицеров-генштабистов в РККА не сводились к пресловутому социально- и материально-бытовому мотивам: они были куда более многообразны. В начале 1918 г. не последнюю роль играли и надежда продолжить борьбу с германцами, и опасения за судьбу своих близких в связи с принятой большевиками практикой заложничества, и желание проникнуть в руководство РККА, чтобы оказывать содействие единомышленникам за линией фронта, и ряд других⁸.

Как результат собственных архивных изысканий, Ганиным была опубликована обширная работа, получив-

шая высокую оценку у специалистов и ставшая, по сути, источниковедческим прорывом в данной области⁹. Через некоторое время вышла книга Каминского¹⁰. Многочисленные фактические и методологические ошибки этой книги были критически рассмотрены Ганиным в его рецензии¹¹. Среди основных замечаний – алогичные хронологические рамки исследования, слабая источниковая база, неудовлетворительный анализ источников, большое количество фактических ошибок, неучтенный автором значительный массив офицеров на службе как в РККА, так и в белых армиях. Ганиным был подвергнут критике и главный тезис работы Каминского о том, что никакого идеологического противостояния в Гражданской войне между офицерами и большевиками не существовало, что генштабистов интересовали только деньги и карьера¹² и что русские офицеры только и делали в Гражданскую войну, что бегали, по выражению Каминского, «от одной «кормушки» к другой»¹³.

В ответной рецензии Каминский выступил с «критикой» Ганина¹⁴. Но этого оказалась мало. Теперь уже в Уфе, в издательстве А.А. Словохотова, специализирующемся на белогвардейской литературе, вышел расширенный вариант этой рецензии в виде брошюры с длинным названием¹⁵. Ее автором заявил Каминский, тем не менее в брошюру включены пространный текст «Ответа «любителя» истории Жука О.В. на «научную рецензию» «профессионала» А.В. Ганина от 29 марта 2012 г. (с некоторыми комментариями В.В. Каминского, Ph.D. истории)» взятый с интернет-сайта (есть основания предполагать, что от имени некоего Жука для «большей убедительности» выступил сам Каминский) и несколько странная заметка аспиранта М.Ю. Белова с лапидарным названием «Отзыв о справочнике А.В. Ганина», содержащая прямое искажение (!) текста справочника. «Помощники» понадобились Каминскому с очевидной целью создать видимости «коллективного возмущения», завалував предпринятую попытку сведения счетов и явного перехода на личности.

С первых страниц эдакого «Анти-Ганина» повеяло уже забытым духом книжек Виктора Суворова. Обличительный пафос переделал рецензию в памфлет. А если быть точнее, в памфлет-инвективу, в котором научная полемика (а была ли она?) осталась где-то далеко, а на первый план вышло примитивное поношение, очернительство конкретного лица (А.В. Ганина).

В чем суть предьявленных обвинений? Продираясь сквозь сарказм, гнев и язвительные замечания автора, выделить оказалось возможным следующее.

Непривычный для Каминского порядок расположения персоналий в непрономерованном справочнике. Из-за этого, по его мнению, справочником пользоваться никак невозможно. Также, по мнению Каминского, присутствующий в данной книге алфавитный указатель представляется минусом издания. Каминскому непонятны общепринятые сокращения, используемые Ганиным – РККА, «Вост. фронт» и т.д. По его мнению, отсутствуют ссылки на архивные дела, или, как он заявил, имеются значительные «текстовые фрагменты без научных ссылок».

Каминский, который почти не работал в архивах и в результате пропустил сотни офицеров-генштабистов, предпочел объявить их «мертвыми душами», нежели признать собственные грубые упущения. Одним махом Каминский отказал в праве на существование сотням русских офицеров.

Ну, вот, кажется, и все. Ничего по поводу основного тезиса, службы офицеров-генштабистов из карьерных и материальных побуждений в РККА, не сказано. Ничего не сказано и о большом количестве офицеров ГШ в белом лагере. Все перешло в плоскость «удобно-неудобно», «вы в каком полку служили?», «вас здесь не стояло».

Обратившись к справочнику Ганина, отметим, что каждый автор-составитель вправе самостоятельно решать, исходя из своего видения, подачу материала, как и в каком порядке его расположить. Поэтому, чтобы сделать пользование научной книгой удобным и независимым от замыслов составителей, с давних пор сложилась хорошая традиция составлять указатели – именные, географиче-

ские и предметные. Наличие таковых есть стандарт для научных изданий, выходящих в Америке, Европе, России. Что касается принятых в исследовании Ганина сокращений, все они и их употребление детально пояснены в обширной вступительной статье и в списке сокращений.

Сетования на «текстовые фрагменты без научных ссылок», с подсчетом и процентным выделением их, для меня вообще труднопознаваемое явление. На самом деле ссылки (и весьма многочисленные, в общей сложности несколько тысяч, которые Каминский постарался «не заметить») в справочнике есть, давать их на каждое слово и всякий пассаж попросту не нужно. Если мы доверяем автору, то соответственно доверяем и его книге, не буду же я обращаться в архив с проверкой и перепроверкой каждого предложения в работе своего коллеги. Если это серьезный историк, а именно такой репутацией обладает А. Ганин, делать этого нет необходимости.

Хорошо, почему в таком случае можно доверять справочнику Ганина? Во-первых, у книги обширная источниковая база. Во-вторых, в издании отсутствуют ошибки, которые могли бы поставить проделанную работу под сомнение. Таких ошибок не нашли коллеги-историки, имеющие непредвзятый взгляд на тему, да и сам Каминский, при всем желании, таковых не обнаружил. В-третьих, многие положения справочника дополняются и подтверждаются последующими работами Ганина. Так, например, Каминский, основываясь на неточных данных журнальной заметки 1980-х гг., подвергает сомнению сведения справочника об Иордане Пехливанове, с деятельностью которого связаны события боев под Псковом в феврале-марте 1918 г. Позднее Ганиным опубликован вполне добротный 80-страничный биографический очерк, а в Болгарии вышла монография о Пехливанове. Основу этих трудов составили материалы десяти архивов (в т.ч. семейного архива Пехливановых), в этих работах данные справочника многократно расширены и детализированы¹⁶.

Так стоило ли огород городить, публикуя памфлет? Этот ларчик открывается довольно просто – информация Ганина о действительном количестве офицеров ГШ в противоборствующих армиях, основанная на изучении большого массива документации из российских и зарубежных архивов и не за произвольно избранный Каминским промежуток 1917–1919 гг. (никак не убедительны объяснения по поводу таких хронологических рамок), а за весь период Гражданской войны 1917–1922 гг., опровергает выводы самого Каминского. Но это уже явление историографическое. Таким образом, Каминскому по существу справочника Ганина сказать нечего, а «уфимский памфлет» – попытка дискредитации серьезного и талантливого исследователя, попытка сохранить лицо.

Размышляя о том, что уже свершилось, я могу предположить два объяснения. Либо это есть проявление современной израильской русистики, либо мы сталкиваемся с феноменом глубочайшего провинциализма. Поясню первое предположение. Не далее как летом 2012 г. в Москве на Международной научной конференции «Отечественная война 1812 года в контексте мировой истории» с докладом о М.Б. Барклае де Толли выступал Аллон Клебанов, профессор Центра западноевропейских исследований (Израиль). Суть его экспрессивного доклада сводилась к тому, что российские исследователи считают Барклая персонажем, скажем так, «нехорошим», неким «иностранцем на русской службе», биография его не изучается и т.д. Сам докладчик заявил, что он прочитал всю литературу о Барклае, когда-либо изданную на английском языке. Выступавшему возразили присутствовавшие здесь же российские ученые – авторы работ, в том числе и монографий о Михаиле Богдановиче, о том, что личность полководца в российской историографии оценивается достаточно высоко, о нем написаны книги, а сам Клебанов допустил, доверившись англоязычной литературе, несколько фактических ошибок в биографии героя, давно исправленных российскими историками. На что израильский профессор ответил, что русским языком он не владеет, соответственно книг, изданных на нем, он

не читал, авторов их, прежних и нынешних, не знает, а в англоязычных монографиях сказано, что в России Барклая не любят... Все стало ясно, спорить было не о чем.

Так получилось и в данном случае. Каминский, ознакомившись с фондами РГВА урывками (а в РГВИА он не работал вовсе), выступает не просто одним из специалистов по данной теме. Нет, он просвещенный судья «невежественным» российским историком! В завершение своих нападок на Ганина он приходит к выводу о второсортности российских ученых, ведь лишь избранные историки, по его мнению, могут интерпретировать исторический материал. К числу избранных В. Каминский относит, прежде всего, самого себя. Так и звучит его «единственное, приемлемое предложение» к Ганину: «Милостивый Государь, Андрей Владиславович, прекратите, пожалуйста, заниматься историческими исследованиями, ибо Вы это делать не умеете, и, видимо, уже и не научитесь. Единственная область деятельности, которая Вам удастся, – это собирание архивных материалов в неимоверно больших количествах. Но и собранными материалами Вы толково распорядиться также не умеете. Поэтому я предлагаю Вам передавать собранные материалы серьезным ученым, которые отличаются от Вас тем, что умеют хотя бы не пропускать ссылки на источники, или выбрать иную профессию, в которой Вы будете на высоте, – старьевщика. Очень почетная и весьма подходящая Вам работа»¹⁷.

Вот так, ни больше и ни меньше. Российские исследователи – эдакие «подносчики снарядов», «подмастерья», а творить могут только «серьезные ученые», живущие не в России (кого в амплу «серьезного ученого» имел в виду Каминский, пояснять не нужно). Может, речь идет исключительно о Ганине? Совсем нет. Все российские исследователи, занимающиеся военной историей России периода Первой мировой и Гражданской войн, в тексте брошюры именно так уничижительно охарактеризованы. Причем никого из них Каминский принципиально не называет историком. Они либо «исследователи», либо «авторы». Например, военный историк В.Б. Каширин, автор замечательных работ, никак более не именуется, как только – «коллега и друг» Ганина¹⁸. В тексте фамилия В.В. Леонидова непременно сопровождается странным эпитетом «историк-певец»¹⁹. А.А. Симонову вменено существовать в памфлете с обязательным указанием на его некую географическую отстраненность от Москвы: «саратовский автор», «вдумчивый и серьезный автор, хотя и провинциальный», в конечном итоге раздраженный Каминский бездоказательно обвиняет его в бесчестности и человеческой непорядочности²⁰. Профессионализм последних (В. Леонидова и А. Симонова) подтвергнут весьма своеобразной оценке: «Авторы писали свои «рецензии» (речь идет о положительных отзывах на работу А. Ганина. – *P.P.*) в состоянии крайнего душевного расстройства, либо они сами такие же «ведущие специалисты», как и автор рецензируемого труда»²¹.

Возможно, я и ошибаюсь, считая, что таков общий настрой современной израильской русистики. Ведь А. Клебанов все-таки профессор Центра западноевропейских исследований, т.е. русская история для него тема вторичная, поэтому ему, наверное, простительно не знать российскую историографию, а доктор В. Каминский вообще позиционирует себя как независимый исследователь.

В таком случае остается второе предположение, о том, что в данном случае мы видим проявление глубокого провинциализма в науке. Провинциализм заключается не в том, что кто-то живет в Москве, кто-то в Уфе, а кто-то на хуторе близ Диканьки. Провинциализм – категория не географическая. Можно жить в Москве, но быть глубоким провинциалом, а можно находиться в Саратове, но таковым как раз не быть. Провинциализм в науке проявляется в крайней степени осознания себя как «я, великий и единственный в теме», нежелании выслушать иные, возможно и критические доводы, что ведет, по сути, к культивированию добровольной изоляции, неумному самовосхвалению, невосприимчивости к чужим ценностям. Все это дополняется мелочными попреками оппонента, а в целом, ребяческими

обидами на чужой труд. Провинциализм, к сожалению, тяжелая болезнь, доставшаяся нам по наследству от предыдущей, советской науки и прогрессирующая в современном ученом сообществе. Географическая смена координат не всегда позволяет избавиться от нее.

Почему мне так подумалось? Стремление Каминского обозначить, что именно он первым опубликовал работу по теме, это ли не провинциализм? Возвеличивание себя («При работе над монографией такая работа по соотношению позиций документов с конкретными биографиями «генштабистов» была проделана мной» (Каминский о себе)) и уничтожение оппонента («Всякого порядочного человека не может не охватывать чувство гадливой брезгливости от одного только прикосновения к его «выдающимся трудам»» (Каминский о Ганине))²², это ли не провинциализм? Каминский в тексте памфлета всякий раз к месту и не к месту упоминает свою степень «Ph.D. истории», именуя себя «доктором» и ехидно касается возможной защиты Ганиным докторской диссертации – «московский кандидат в доктора»²³. Отметим, что таковое желание Ганина, если оно есть, это желание Ганина. Но, выстраивая иерархию, я, мол, «доктор Каминский», а Ганин «молодой кандидат наук», автор лукавит. По диплому ВАК России А.В. Ганин – кандидат исторических наук, что фактически равнозначно «Ph.D. истории» за пределами нашей страны. И если Ганин вдруг поедет в Европу или в США, скажем на научную конференцию, то он будет именоваться в программе как «доктор Ганин». А ученый, имеющий в России степень доктора наук, будет именоваться соответственно «профессором».

Отказ от восприятия работ, позволяющих приблизиться к решению научной проблемы, непонимание иной аргументации, придирки к трудам Ганина не по существу вопроса, а по наличию вымышленных «текстовых фрагментов без научных ссылок», – все это не научная дискуссия, это – глубокий провинциализм.

История – не математика и не физика. Конкретный индийский математик может лучше разбираться в своей науке, нежели конкретный французский, а русский физик считается более мастером теории чем, скажем, немецкий ученый (сравнения условны, с уважением отношусь к математикам и физикам всех стран). Это вполне нормально, и это следует признать. Но в истории это не так. Находясь в Израиле, невозможно освоить архивный массив РГВА, РГВИА, ГАРФ в большей степени, чем находясь в Москве. Это следует признать. Русский историк, изучающий победу англичан при Ватерлоо, даже работавший в архивах Лондона, все равно не будет знать и понимать историю британской армии лучше английского историка. Французскую революцию лучше и глубже будет знать французский ученый, в этом тоже надо отдавать себе отчет. Кстати, во многом на этом тезисе и строится основное положение пресловутой Болонской системы, когда студент может перемещаться по вузам, выбирая авторские спецкурсы и углубляя, таким образом, свои знания.

Можно лишь сожалеть о том, что офицеры Генштаба через 90 лет после трагических событий Гражданской войны стараниями не вполне добросовестного зарубежного автора опять оказались «заложниками». Хотелось бы, чтобы их, наконец, оставили в том настоящем, трагическом положении, в каком они оказались в переломные годы российской истории. Кого в РККА, кого в белых или национальных армиях. С их тревогами, мыслями, делами. В абсолютном большинстве это были люди чести, патриоты, осознававшие свой долг перед Родиной, имевшие собственные представления о службе, безусловно, достойные нашего уважения.

В декабре 2013 г. А.В. Ганиным была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Кадровый Генеральный штаб в период Гражданской войны в России».

¹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.

² Каминский В.В. Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917–1918 гг.). СПб., 2000; *Его же*. Русские генштабисты в 1917–1920 годах // Вопросы истории. 2002. № 12; *Его же*. Выпускники Академии Генерального штаба на службе в Красной армии // Военно-исторический журнал. 2002. № 8; *Его же*. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах // Вопросы истории. 2003. № 11 и др.

³ Ганин А.В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6; *Его же*. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции. Сб. материалов междунар. науч. конф. Архангельск, 2008; *Его же*. «Незалежные» генштабисты. Статистика и мотивация // Родина. 2009. № 8; *Его же*. Генштабисты в Гражданской войне на Севере России // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений: сб. материалов науч. конф. Архангельск, 2009; *Его же*. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009; *Его же*. «Я от переутомления буквально свалился с ног...». Режим работы генштабистов в Красной армии // Военно-исторический архив. 2011. № 6 (138); *Его же*. «Опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать «примазавшимся» к партии...» Партийность бывших офицеров Генерального штаба // Воен.-ист. журнал. 2011. № 6; *Его же*. Кожаный костюм от РВС. Награды для военспецов-генштабистов // Родина. 2012. № 5; *Его же*. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012; *Его же*. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Ст. и документы. М., 2013 и др. Большинство работ доступны на сайте А.В. Ганина: <http://orenkbkazak.narod.ru/publ.htm>.

⁴ Каминский В.В. Некоторые особенности... С. 3. См.: Kenez P. Civil War in South Russia 1919–1920. University of California Press, 1977. P. 312.

⁵ Каминский В.В. Некоторые особенности... С. 22.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Ганин А.В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

¹⁰ Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011.

¹¹ Ганин А.В. О книге В.В. Каминского «Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии» // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2012. Т. XI. С. 514–536.

¹² Там же. С. 527.

¹³ Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба. С. 209.

¹⁴ Каминский В.В. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального Штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: несостоятельность историко-биографического исследования // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 224–241.

¹⁵ Каминский В.В. Ганин А.В. – «творец» «мертвых душ» в Корпусе Генштаба Красной Армии или повесть о том, как не следует заниматься научной работой. («Корпус офицеров Генерального Штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.»: источниковедческая и фактографическая несостоятельность). Уфа, 2013. Заявленный тираж издания 500 экз., однако, как оказалось, брошюра распространяется почти исключительно по интернету. Выпады Каминского в сети Интернет иначе, как развязным хамством в адрес Ганина названы быть не могут.

¹⁶ Ганин А.В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2012. Т. XI. С. 255–336; *Он же*. Болгаринът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София: Милена-принт, 2014. 114 с.: ил.

¹⁷ Каминский В.В. Ганин А.В. – «творец» «мертвых душ»... С. 73.

¹⁸ Там же. С. 78.

¹⁹ Там же. С. 7, 13, 16.

²⁰ Там же. С. 11, 14, 16, 84.

²¹ Там же. С. 17.

²² Там же. С. 22, 24.

²³ Там же. С. 11.